

Назим Джафарли

**АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
СЕФЕВИДОВ**

Назим Джафарли

**Азербайджанское
государство Сефевидов**

«Юридический центр»

2009

Джафарли Н.

Азербайджанское государство Сефевидов / Н. Джафарли —
«Юридический центр», 2009

<p id="___GoBack">Представленная вниманию читателей книга посвящена исследованию интереснейших и малоизученных страниц истории государственности Азербайджана – правлению династии Сефевидов. Автор рассматривает сложный механизм государства Сефевидов, обладавшего высокоразвитой системой государственного строя и права, являющегося образцом государства с совершенной, самобытной системой управления. Исследование систем центральных и местных органов власти и управления, финансового управления, судебных органов, взаимодействия светской и духовной власти важно для изучения и анализа современного развития истории и государства. Книга предназначена для юристов, политологов, историков, а также всех интересующихся вопросами развития государства и права.

ББК 63.3(5)

© Джафарли Н., 2009

© Юридический центр, 2009

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава I. Центральные органы власти и управления	11
1.1. Шахская власть. Сочетание религиозных и светских полномочий	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Назим Джафарли
Азербайджанское государство Сефевидов

© Н. Джафарли, 2009

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

Предисловие

История человечества – духовное наследие народов, величие которых состоит в их исторических достижениях, прежде всего в создании и развитии мощной государственности, политико-правовых основ власти. Каждый новый период в истории развития государства, сохраняя преемственность традиций, привносит в государственность новые элементы, закладывает в ее фундамент новые пласты, все выше воздвигая это великое здание, создает почву для ее дальнейшего развития.

Однако история государства свидетельствует не только о его величии. Жизнь богаче желаний и устремлений его правителей, в ней закономерны взлеты и перепады. История полна таких примеров. Но всегда величие и расцвет государства зависели от его прочности, стабильности, четкой налаженной деятельности его государственного аппарата. История, железной рукой отбрасывая прочь все преграды – внутренние противоречия и внешние воздействия, будто сознательно очерчивает пути укрепления государства и возвеличивания его славы. Во всем этом сложном и противоречивом процессе умение раскрыть внутренние закономерности, проанализировать составные государственной власти, раскрыть их природу, дать объективную оценку функционирующему государственному аппарату – дело значительной важности и огромной ответственности. Такую миссию взял на себя автор настоящей монографии, избравший предметом своего исследования один из столько же интересных, сколько и сложных, малоразработанных периодов истории азербайджанской государственности – период правления династии Сефевидов, вошедшего в мировую историю как могущественное Сефевидское государство.

Из глубин веков перед нами воссоздается картина создания и укрепления мощной системы государственных органов исследуемого периода. Автор, проникая в глубинные пласты государственной жизни, раскрывает объективные причины ее структурных изменений, гибкой государственной политики, целеустремленно направленной на централизацию власти, постоянное совершенствование государственного аппарата.

Вниманию читателей представлен слаженный государственный механизм, характеризующийся прочным взаимодействием его структурных составляющих, центральной власти с органами на местах. В главах монографии тщательно и глубоко анализируются система центральных органов власти и управления, правовая природа шахской власти – неограниченной власти главы Сефевидского государства, правившего страной посредством четко организованной системы управления, рассматриваются функции и полномочия «Меджлиси ала», Али везерат дивана, центрального финансового управления. Глубокому исследованию подвергнуты также местные органы власти и управления. Особо прослеживается процесс слияния светской и духовной властей, раскрываются место и роль высших религиозных должностей.

Предметом монографического исследования стало рассмотрение сложной судебной системы периода Сефевидов, скрупулезный анализ порядка и принципов их формирования, функций и форм деятельности. В центре особого внимания находится характеристика Высшего дивана – верховного судебного органа. Подробно исследуются и вопросы организации и компетенции местных судебных органов, их место в общей судебной системе, взаимодействие с вышестоящими судебными инстанциями.

Таким образом, автором последовательно показаны динамичность и гибкость государственного аппарата, систематическая перестройка его механизма в целях приспособления к новым обстоятельствам, централизации государственной власти, обеспечения четкости и координации взаимодействующих звеньев государственного аппарата.

Богатая история государственной жизни периода правления Сефевидов не могла не дать насыщенного материала для глубоких исследований. Страницы предлагаемой вниманию чита-

телей монографии являются такими же содержательными, как и история самого Сефевидского государства. Но это уже заслуга автора, который, будучи искренне преданным целям исследования, вжился в государственную жизнь, прочувствовал ритм деятельности государственного аппарата и создал свой труд, насыщенный богатым фактологическим материалом, их глубоким анализом, а также критическим изучением отечественных и зарубежных исследований, научных подходов к оценке столь далекого от нас по времени государства.

Оценка исторических фактов с новых позиций – переоценки государственно-правовых ценностей – задача не только исключительной важности, но и исключительной сложности. В этом деле научный успех постоянно сопутствует автору представленного труда, который является плодом глубоких раздумий, поисков, серьезных научных оценок и выводов.

Монография отличается от скудных по данной проблематике отечественных исследований введением в научный оборот материалов, до сих пор неизученных в историко-правовой литературе. Новизна монографии, однако, заключается не только в этом. Одна из ее особенностей – привлечение широкого правового материала. Автор подошел к рассмотрению проблемы как историк права, опираясь в своих изысканиях на законодательство Сефевидского государства, еще не ставшее объектом историко-правового анализа.

В заключение следует еще раз подчеркнуть значимость подобных исследований как для историко-правовой науки и широкой общественности, так и для азербайджанского народа. Монография убедительно показывает величие его исторического прошлого, вдохновляет на новые дела, новые подвиги, ибо народ живет не только прошлым. Не может народ, имеющий такое героическое прошлое, не быть созидателем нового общества, ибо величие каждого народа состоит не только в его историческом прошлом, но и в настоящем и историческом будущем.

Редактор: чл. – корр. НАН Азербайджана, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики М. Ф. Меликова

Введение

После распада Советского Союза наш народ столкнулся с рядом очень сложных проблем, таких как создание собственного независимого государства, формирование властных и управленческих органов государства. В силу того, что переход от одной системы к другой требует коренного изменения как базиса, так и надстройки, он также требует проведения реформ во всех областях нашей жизни – общественной, политической, экономической, социальной и, наконец, в юридической, осуществления серьезных изменений и нововведений, обеспечивающих соответствие формируемых новых властных и управленческих органов целям и интересам народа.

Эффективность и успех предстоящих в сфере государственного строительства реформ, формирование властных и управленческих органов нового государства наряду с другими факторами в большой мере зависят от исторического опыта, традиций национальной государственности, максимального использования всего положительного, рационального, что имелось в отдельных государствах, существовавших на протяжении богатой истории нашей государственности.

Несмотря на острую нужду, исследование истории государства и права в Азербайджане долгое время находилось вне внимания, исследователи отдельных республик, входящих в Советский Союз, также как ученые, проводящие изыскания в области истории государства и права в нашей республике, не исследовали в качестве объекта специального исследования тот или иной период истории государственности Азербайджана, включая историю государства и права в эпоху государства династии Сефевидов, обладавшего высокоразвитой системой государственного строя и права. С этой точки зрения исследование отдельных периодов истории государственности Азербайджана очень важно для заполнения пробелов, имеющих в юриспруденции в этой сфере, и доведения этого до широких читательских масс.

Выбор в качестве объекта исследования государственного строя Азербайджана в эпоху Сефевидов служит этой же цели. С другой стороны, государство Сефевидов, составляющее одну из ярчайших страниц истории государственности Азербайджана, охватывает несколько веков – период, когда азербайджанский народ обладал независимым государством. Естественно, что обладание независимым государством на протяжении длительного времени открывало широкие возможности для создания государства, формирования и усовершенствования государственных органов, позволило создать образец государства, обладающего совершенной, самобытной системой управления, и передать его будущим поколениям. Исследования и представление устройства органов центральной и местной власти и управления государства Сефевидов, основа которого была заложена в начале XVI века, взаимосвязи в нем между органами центрального и местного управления, системы судебных органов и т. п. могут сыграть на современном этапе определенную роль для использования традиций национальной государственности в работе по национальному государственному строю Азербайджанской Республики, строящей независимое государство.

Материалы, касающиеся системы центрального и местного управления Сефевидов и, в целом, их государственного строя мы впервые встречаем в работе выдающегося ученого И. П. Петрушевского (163; 164). Хотя И. П. Петрушевский и не ставил перед собой задачу исследовать государственный строй, он так или иначе обратился к устройству центрального бюрократического государственного аппарата Сефевидов, к их системе местного управления и дал их научные описания. Автор в определенной степени исследовал институты халифат аль-хулафа, амир аль-умара и дал, хотя и краткие, сведения об устройстве органов управления Азербайджанского, Ширванского, Карабахского беглярбекств. Исследования И. П. Петрушев-

ского, несомненно, имеют огромное значение для изучения истории государственности Азербайджана в XVI–XVII веках.

Для изучения темы, выбранной нами в качестве объекта исследования, существенное значение имеют научные исследования О. А. Эфендиева (38; 39; 49). В его монографиях, составленных в результате серьезных исследований, были широко исследованы возникновение государства Сефевидов, его общественно-политическое и экономическое устройство, приведены краткие сведения о сути функций государственных чиновников, работавших в органах центрального и местного управления – визирях, векилах, беглярбеках, корчубаши, садры и т. д.

Вместе с тем некоторые аспекты государственного строя Сефевидов были исследованы и проанализированы в изысканиях, опубликованных статьях и монографиях таких исследователей, как С. Б. Ашурбекли, З. Байрамов, А. Н. Гулиев, М. С. Иванов, Ю. М. Махмудов, Ш. А. Месхия, Ш. Мамедова, А. П. Новосельцев, С. Онуллахи, А. А. Рахмани, Н. И. Сургуладзе, Ш. Фарзалиев, М. Х. Гейдаров.

Среди исследовательских работ, опубликованных за последние годы, выделяется монография Шукюфы Мамедовой, посвященная анализу произведения «Хуласат ат-таварих» и уделяющая, в отличие от других, более широкое внимание комментированию сведений о системе государственного строя и управления, приведенных источником (131).

Для решения поставленной в монографии задачи и важной значение имели первичные источники эпохи, мемуарные произведения европейских путешественников, миссионеров, купцов, дипломатов, дошедшие до нас произведения придворных историков, летописцев. Такие источники можно разделить, в основном, на две группы:

а) источники общего характера, связанные с темой не напрямую, а косвенно. В этих источниках приводятся краткие и эпизодические сведения, касающиеся тех или иных проблем темы;

б) произведения, посвященные непосредственно государственному строю, и нормативно-правовые акты. В число таких источников входят работы Мирзы Самияна «Тазкират али-мулюк», Мирзы Рафиана «Дастур аль-мулюк», а также указы, изданные шахами. В источниках такого рода приводятся ценные сведения об органах, входивших в центральный государственный аппарат, их структуре, системе местного управления, механизме контроля, проводившегося государством, правилах назначения на должность отдельных лиц и прочих вопросах.

Одна из рукописей работы «Тазкират аль-мулюк» впервые была переведена на английский язык в 1943 году в Кембридже известным ученым-востоковедом В. Ф. Минорским, и к работе был написан пространный комментарий, использованный нами в качестве источника при написании книги (135).

Интересные сведения об Азербайджанском беглярбекстве, его устройстве, таких вопросах беглярбекства, как административное устройство, финансы, права и обязанности беглярбеков в сфере организации вооруженных сил, приведены и немецким ученым Рехр Берном в работе «Устройство провинций в эпоху Сефевидов» (176).

Большое значение при написании монографии имели работа Фазли Исфакхани «Афзал ат-таварих», содержащая в себе текст и копию многих указов, которые отсутствуют в архивах, работы Хондамира «Хабиб ас-сияр фи-ахбар-и афрад аль-башар», «Дастур аль-вюзара», «Намейи нами».

Одним из источников получения ценных сведений является и работа азербайджанца по происхождению Искендер-бея Мюнши «Тарих-и алям арай-и Аббаси». Автор источника жил в эпоху Шаха Аббаса I, работал финансовым чиновником и подробно описал события, свидетелем которых он стал, сопровождая шаха в его походах и поездках. Автор приводит ценные сведения о правителях городов и провинций, высокопоставленных религиозных деятелях, начиная с эпохи Шаха Исмаила I и включая эпоху Шаха Аббаса I.

Много ценных сведений дала для написания книги и работа автора Будага Газвини «Джавахир аль-ахбар». Б. Газвини, занимавший различные должности в эпоху Сефевидов, как чиновник приводит интересные сведения об устройстве бюрократического государственного аппарата, особенностях деятельности отдельных чиновников, правилах их назначения на должности и увольнения с работы и т. п. Приведенные им сведения о беглярбеках, калантарах, даругах, казнях, садры, шейх уль-исламах, мухтасибах и шариатских судах были использованы во время исследования для многих уточнений и научных выводов.

Существенное значение для разработки темы имели и работы европейских путешественников, дипломатов, деловых людей. В частности, были использованы работы Винченцо д'Александри, Тавернье, Шардена, Адама Олеари, Энгельберга Кемпфера, Сансона, Петро делле Валле, Керрари. Однако они в своих мемуарах, книгах путешествий зачастую допускают неточности, искажают суть событий. В частности, искажения допускаются при освещении деятельности религиозных судов. Поэтому, используя работы этих авторов, мы отнеслись к ним критически и, сравнив их с другими источниками эпохи, попытались достичь объективных выводов.

Глава I. Центральные органы власти и управления

1.1. Шахская власть. Сочетание религиозных и светских полномочий

Азербайджанское государство Сефевидов, являвшегося одним из крупнейших государств Востока, возникло на месте своих предшественников – государств Гараююнулу и Аггююнулу. Сефевиды, также как династия Гараююнулу и Аггююнулу пришли к власти воспользовавшись помощью тюркских племен и опираясь на их социальную базу. Кызылбаши долгое время вели борьбу за приход к власти в пределах государства Аггююнулу подготовив идеологическую почву для создания своего государства. Еще до прихода к власти Исмаила Шейх Сафи, Шейх Джунейд и Шейх Гейдар с помощью своих мюридов вели широкую пропаганду среди тюркских племен, живших на обширной территории, находившейся во власти Аггююнулу, – в Азербайджане, Малой Азии, на юге Ирана, распространяя суфизм, и тем самым снискали славу святых, облегчив себе будущую борьбу за власть.

В результате проведенных подготовительных работ Исмаил, собрав вокруг себя своих амиров, объединил тюркские племена Афшаров, Зульгадаров, Шамлы, Текели, Каджаров, Устаджлы, Карадаглы и т. д., с их помощью победил повелителя Аггююнулу Альвенда Мирзы и провозгласил свою власть в Азербайджане. Эти тюркские племена и их влиятельные эмиры оказали Сефевидам военную, материальную и моральную помощь. Если сравним государственный строй Гараююнулу, Аггююнулу и Сефевидов, мы не увидим никакой принципиальной разницы в строе этих государств. Все три государства существовали на одной и той же территории – в Азербайджане, все трое функционировали, опираясь на три института, свойственные всем восточным государствам, – финансы, воинство и общественное производство.

Однако более тесное ознакомление с источниками и литературой, посвященными дате возникновения государства Сефевидов, формирования его органов управления, показывает, что основа государственных органов Сефевидов, пусть даже в ограниченном масштабе, была заложена до вступления на престол Исмаила. Советники Исмаила Гусейн бек Леле, Хадим бек Хулафа и Деде бек создали «малую дворцовую организацию» (181, л. 13).

А основа армии Сефевидов была заложена еще в эпоху Шейха Гейдара. В этой армии наряду с военными чинами и званиями можно было встретить и обладателей гражданских должностей. По сведениям, предоставленным источниками, еще при нападении Исмаила на Ширван в 1500 году в боях участвовал ряд лиц, обладавших такими должностями, – Салман бек – казначей, Халил бек Афшар – суфрачибаши и халифат аль-хульфа (46, л. 214а; 26, с. 24). Отбыв из Шамахи в Махмудабад на зимовку, Исмаил назначил визирем туда амира Закарийя Тебризи Кечачи, которому торжественно присвоил титул «Ключ от Азербайджана» («Келиде Азербайджан») (46, л. 14а).

В тот период Сефевиды приняли и один из символов государства – флаг. Этот флаг был изготовлен из четырехугольной ткани, и на нем были вышиты слова «Фатхи Анна» («Мы победим») (101, т. 4, с. 460; л. 436, 546, 58а). В средней части флага располагалось изображение солнца, а по углам – цитаты из Корана. Во время участия в битве под Чабани Гусейн-бек Леле и Абдулла-бек имели уже титулы амиров аль-умара, Мовлана Шамсаддин Гилани – садры, а Устаджлы Мухаммед и Ильяс бек Уйгуроглу – амиров-азам.

Из вышеизложенного следует, что учреждение параллельно с формированием армии таких должностей, как визирь, эмир аль-умара, халифат аль-хулафат, садры, парваначи и дру-

гих, показывало на заложение, хотя и в ограниченной форме, основы Государства Сефевидов и частичное представление в этом государственном аппарате правящего слоя.

Таким образом, до того, как объявить себя в 1501 году в Тебризе шахом, Исмаил, опираясь на высшую военную знать, заложил основу нового государственного аппарата и создал своего рода «правительство».

Впоследствии расширение центральных органов государственного управления, основа которых была заложена во время военных походов, было продолжено. Для того, чтобы осуществить мечту своих дедов и отца – создание великого шиитского государства – Исмаил собирал вокруг себя тюркские племена, сыгравшие основную роль в создании и укреплении государств Гарагоюнлу и Аггоюнлу и использовал влияния и силу военно-феодальной знати этих племен.

Состоящая из кызылбашей военно-феодальная знать стала основной силой и опорой Исмаила и после его официального прихода к власти.

Именно поэтому со дня провозглашения себя шахом Исмаил начал назначать эмиров-кызылбашей правителями не только в тех провинциях, в которых они проживали, но и, вообще, на всей территории империи. Амиры-кызылбаши были назначены не только в отдельные провинции и города Азербайджана, но и в Герат, Керман, Исфахан, Шираз и в другие местности. В Герат был назначен правителем Зейналхан Шамлы, в Балхи и его окрестности – Али бек Румлу (Див Султан), Хойя Амир хан Мосуллу (46, л. 223а).

После объявления Исмаила шахом государственный аппарат Сефевидов, состоящий из кызылбашей и заложенный еще в период борьбы за власть, еще более расширился, и основную роль в этом государстве стала играть азербайджанская феодальная знать. Сефевиды и сами по происхождению принадлежали к роду азербайджанских (тюркских) шейхов Ардебиля (22, с. 780).

Официальным языком, употребляемым как во дворце, так и в армии, был азербайджанский. То, что в Государстве Сефевидов азербайджанский язык являлся официальным государственным языком, не было случайным, это вытекало из длительного существования на территории, где образовалось государство Сефевидов, таких азербайджанских государств, как Гарагоюнлу и Аггоюнлу, в которых азербайджанский язык был официальным государственным языком.

Затрагивая данный вопрос, И. П. Петрушевский отмечал, что во дворце и в армии Сефевидов был принят азербайджанский язык, который был понятен для всех тюркских племен, проживающих в тот период в Передней Азии, этот литературный язык был распространен далеко за пределами Азербайджана (163, с. 71).

Шах Аббас I, взойдя в трон, попытался положить конец самостоятельности кызылбашей и ограничил ряд их привилегий в целях укрепления центральной власти. Однако, несмотря на проведенные им меры, эмиры-кызылбаши и азербайджанский язык продолжали играть основную роль в государстве и в период его правления, а также после его смерти.

О том, что азербайджанский язык являлся государственным языком Сефевидов, сообщают и европейские путешественники, послы других стран. «В Иране говорят не на фарси, а на тюркском (азербайджанском) языке, и этот язык на самом деле является языком дворца и знати. На приеме у Шаха Аббаса I присутствовали представители других стран, шах разговаривал с ними на тюркском языке» (148, с. 183).

Азербайджанские ученые О. А. Эфендиев, А. А. Рахмани, С. М. Онуллахи и другие в своих работах на основании многочисленных источников проанализировали строй и характер государства Сефевидов в XVI–XVII веках и неопровержимыми фактами доказали, что оно было Азербайджанским государством. То, что (49, с. 297; 153, с. 141–158) официальным государственным языком являлся тюркский (азербайджанский), (не оспаривают и иссходователи других стран) язык и основную роль в управлении армией и государством играли кызылбаши.

Таким образом, основа Азербайджанского государства Сефевидов была заложена тюркскими племенами кызылбашей под предводительством рода Ардебильских шейхов.

Государство Сефевидов было типичным феодальным государством, и во главе государства стоял шах.

Термин «шах» впервые стал употребляться Исмаилом I. До него, даже в XV веке, ни один из правителей Гарагоюнлу или Аггоюнлу не именовался шахом. А Джаханшах Гарагоюнлу был назван так при рождении. С другой стороны, поскольку сефевидские правители были азербайджанцами, слово «шах» употреблялось перед их именем. Например, Шах Исмаил, Шах Тахмасиб и т. д. Если бы они были по национальности персами, слово «шах», то есть прилагательное, следовало бы после имени. Например, Рза шах, Мухаммед Рза шах и т. д. Правда, у шахов, принадлежавших к династии Каджаров, слово «шах» также употреблялось после имени. Например, Ага Мухаммед шах Каджар, Фатали шах, Музаффараддин шах. Однако это объясняется тем, что в то время, то есть в последние периоды правления Сефевидов в государстве начался процесс иранизации, и потому слово «шах» прибавлялось к имени правителей Каджаров в конце. В то время, как главы государств Гарагоюнлу и Аггоюнлу считались только светскими главами государства, Сефевидские шахы считались как религиозными, так и светскими главами. То есть в отличие от правителей Гарагоюнлу и Аггоюнлу «Сефевидские шахы как светские правители не только пользовались неограниченной властью, но и как наследственные главы Ардебильской секты дервишей представляли в своем лице верховную религиозную власть» (49, с. 224).

Следует отметить, что религиозная основа для прихода Сефевидов к власти и создания ими государства кызылбашей была заложена еще в эпоху Шейха Сафиаддина (1252–1334). Эту мысль подтверждает и то, что с ним считались Газан хан и Улджайту Абу Саид. После главы суфийской секты Шейха Сафиаддина возглавление секты было сосредоточено наследственным образом только в руках Сефевидской династии.

Потому что название секты и фамилия шейхов были присвоены Шейху Сафиаддину Исфагу аль-Мусави-аль Ардабили, а после него – его сыну Хадже Садрадину Мусе. С другой стороны, среди приверженцев секты было много земледельцев, ремесленников и торговцев. В то время, как отцом Шейха Садрадина и был простой земледelec, сам Шейх Садрадин и ставший после него главой суфиев по наследству Хаджа Садрадин Муса превратились в крупных феодалов. При этом ни Шейх Сафиаддин, ни Хаджа Садрадин Муса (скончался в 1392 году), и ни его сын Хаджа Али (скончался в 1427 году) не были еще правителями Ардебилья. Однако Шейх шах Шейх Ибрагим (скончался в 1447 году) был правителем феодального владения Ардебиль. Так возникла власть Ардебильских Сефевидских шейхов. (163, с. 67).

После Шаха Исмаила I шахство было наследственным. Сефевидские шахы обладали неограниченными полномочиями. Они не видели и не боялись никаких препятствий перед своим господством. В руках шахов было сосредоточено все – заключение договоров, объявление войны и мира, назначение лиц на высокие должности, присвоение военных званий и чинов, издание указов о налогах, союргалах, новые налоги и повинности, чеканка монет, их замена, даже права каждого подданного, включая женщин и детей, на распоряжение имуществом. В то время, как сам шах не имел никакой ответственности перед законом, все государственные чиновники страны, высокопоставленные и низких чинов, несли перед ними ответственность (40, с. 14). В очень редких случаях, отдыхая, шах поручал управление страной главному визирю. Встречались и исключения – после поражения в войне, во время болезни и в иных случаях Сефевидские шахы долгое время не выходили из гарема, и страной по поручению шаха управлял визирь. Например, Шах Исмаил I после поражения в битве при Чалдыране в 1514 году 10 лет, то есть до смерти, в крайне редких случаях выходил за пределы своего дворца, а для Шаха Тахмасиба это продолжалось 11 лет. На протяжении этого срока Шах Тахмасиб не выходил на охоту, чтобы встретиться там со своими подданными и выслушать

их жалобы, и подданные не могли попасть к нему на прием. Венецианец Алессандри пишет: «Население было сильно недоволено этим. Потому что согласно традициям этой страны, не имея возможности увидеть шаха, никто не мог пожаловаться на притеснения, жалоб никто не выслушивал. И потому люди, проводя свое время месяцами перед домом правосудия, громко рыдали. Порой количество собравшихся превышало тысячу человек. Падишах, услышав их крики, обычно издавал указ, чтобы жалобщиков удалили оттуда. Шах говорил: «Жалобы в стране рассматриваются моими заместителями, и ими же разбираются судебные дела» (215, с.438).

Иногда, из-за болезни или страсти, которые мешали ему выполнить своих функций, он поручал часть своих полномочий своей супруге. Например, в первые годы правления Султана Мухаммеда Худабенди перед его глазами брат пронес раскаленное железо, ослабив тем самым его зрение, и потому он был не в состоянии самостоятельно управлять страной. Из-за этого его супруга Фахрунниса Беким родом из Мазандарана сосредоточила часть полномочий шаха в своих руках. Она отстраняла от высоких должностей кызылбашей и назначала на эти должности мазандаранцев. Эмиры кызылбашей, в частности, Пир Мухаммед хан Устаджлы, Мухаммед хан Туркмен, Нургасан Султан Шамлы, объединившись, 26 июля 1579 года убили жену Султана Мухаммеда Худабенди Фахруннису Беким (мать Шаха Аббаса I – Д. И.) в присутствии мужа (30, с. 28).

Амиры кызылбашей привели к власти Аббаса Мирзу. Несмотря на приход к власти с помощью кызылбашей, Шах Аббас решил ограничить роль кызылбашей в государстве и с этой целью в 1588 году распустил диван (Военный Совет), большую часть членов которого составляли эмиры-кызылбаши. Шах взял на себя все полномочия, касающиеся дивана, и стал самостоятельно решать вопросы, которые решались диваном. Создалась своего рода абсолютная монархия. В 1589 году были убиты противники власти Шаха Аббаса, в том числе Муршудгулу хан, Мухаммед хан Туркмен. Словом, убиты были все амиры-кызылбаши, которые были причастны к насильственной смерти его матери (172, с. 34–35).

И. П. Петрушевский и А. А. Рахмани, исследуя данный вопрос, сделали вывод, что после прихода к власти Шаха Аббаса I позиции кызылбашей в государстве ослабли, усилились персидские этнические группировки. Вследствие военной реформы Шаха Аббаса роль азербайджанской знати – кызылбашей была ослаблена, ликвидирована монополия кызылбашей на ношение оружия. Кроме того, Шах Аббас I ликвидировал наследственный переход к кызылбашам должностей. Согласно распоряжению шаха эту должность могло занять любое лицо. Создание армии из различных племен нанесло удар по традиции создания в Азербайджанском Сефевидском Государстве армии по племенному принципу. Начиная с этого времени кызылбаши не могли уже быть этнически едиными. А. А. Рахмани объясняет этот процесс сокращением численности кызылбашей в армии Шаха Аббаса I, созданием армейских частей из кызылбашей, гуламов, стрелков и артиллеристов, снижением роли кызылбашей в военных частях. И, наконец, перенос столицы из Газвина в Исфахан в 1598 году, сокращение ряда налогов в центре государства (Ираке) и другие основания указывают на то, что в начале XVII века процесс превращения Азербайджанского государства кызылбашей в персидское сефевидское государство был завершен (172, с. 35–38).

И. П. Петрушевский сообщает, что процесс превращения Азербайджанского Государства в персидское государство начался в начале XVII века и завершился в 1925 году с приходом в Иране к власти династии Пехлеви (163, с. 72).

Нельзя, однако, забывать, что размещением вместо кызылбашей гуламов и роспуском 22 тысяч корчу из военных частей кызылбашей Шах Аббас I стремился снизить роль кызылбашей в центральном государстве, потому что, как сказал он своим приближенным, «силой, способной оказать сопротивление шахской власти и стать к ней в оппозицию, могли быть только эти корчу». В силу этого шах приложил много усилий к тому, чтобы снизить их авторитет в

армии, лишил их привилегий, отдав эти привилегии гуламам. Однако он этим и ограничился и не сумел полностью выполнить свою цель (76, с. 582–583). В то время, как каждый из конных корчу, состоящих из кызылбашей, получал в год жалованье в 9—15 туменов, каждый из гуламов, большей частью грузин и армян, получал жалованье в 5–8 туменов в год (76, с. 582). Значит, Шаху Аббасу I не удалось полностью снизить роль кызылбашей в государстве.

По нашему мнению, высказанная И. П. Петрушевским мысль о том, что превращение Азербайджанского Сефевидского государства в персидское государство завершилось в 1925 году, наиболее соответствует истине.

Следует отметить, что во времена перемен в шахстве новый шах какое-то время не выполнял свои обязанности во всей их полноте. Управление государством временно переходило в руки феодальной знати. Эту мысль подтверждают слова немецкого ученого Энгельберга Кемпфера. Он писал, что «каждый раз при появлении в стране каких-то перемен все испытывали страх, не зная намерений шаха. Придворные стремились завоевать расположение шаха, быть осведомленными об образе мыслей шаха и гармонизировать с ним свои поступки и деятельность либо, приблизившись к одному из приближенных шаха, обеспечить с дружеской помощью свои личные интересы и перекрыть дорогу соперникам, каждый старался предстать в лучшем виде» (40, с. 43–44).

В первоисточниках эпохи, в мемуарах европейских путешественников можно встретить много противоречивых мнений относительно жесткости или справедливости Сефевидских шахов.

Французский дипломат и предприниматель Тавернье пишет о Шахе Сулеймане, что «он любил выходить на охоту вместе со своими женами, поручал все дела своим визирям и редко вмешивался в дела страны. Бывало, что по 10–12 дней не появлялся на людях, и никто не осмеливался к нему обратиться» (76, с. 512–513). Высказывания Кемпфера о Шахе Сулеймане совпадают со словами Тавернье. Однако в отличие от них обоим Сансон, побывавший в 1683 году в Персии, называя 48-летнего Шаха Сулеймана «шахом, имеющим вид величественный и дружелюбный», писал: «Шах отличается добродушием, он приветлив. Он испытывает такую неприязнь к пролитию крови, что страдает даже от казней обыкновенных преступников... очень любит подданных. Для того, чтобы узнать нужды населения и проверить, как его чиновники обращаются с народом, часто, сменив шахский народ, появляется среди простого люда. Не раз шаха встречали по ночам в крестьянской одежде за покупкой хлеба и прочего». (182, с. 28–30).

На наш взгляд, Сансон написал правду: еще Шах Аббас I за справедливость получил прозвища «кабир» (великий) и «адиль» (справедливый). Тавернье, негативно отзывающийся о Шахе Сулеймане, именует Шаха Аббаса I «умным, деятельным», а Шаха Аббаса II – «очень умным падишахом, который интересуется всем, стремится всесторонне все изучить, собрать информацию обо всем и отовсюду и который во всем этом осведомлен». Тавернье пишет: «В целом персы (на самом деле – азербайджанцы – Д. Н.) наиболее умны, памятьливы и находчивы из всех азиатских народов, и не отстают по уму и предприимчивости от европейцев» (76, с. 461).

О Шахе Аббасе I Тавернье написал: «За свое мужество и хорошее обращение Шах Аббас I был достоин прозвища «кабир». А о Шахе Аббасе II он высказал следующее: «Он был отважным воином. Любил иностранцев и пришлых, умел рисовать». (76, с. 497–507).

С другой стороны, когда шахи восседали на престоле до достижения ими зрелости важную роль в стране играли главный визирь и бывший воспитатель шаха. Это, однако, относится не ко всем шахам, включая Шаха Исмаила I и Шаха Аббаса I. Для того, чтобы приобрести опыт в государственных делах, юные царевичи также назначались правителями в провинции и таким образом проходили испытательный период. А малолетний царевич, как правило, поручался воспитателю, который назывался «Леле». Все административные и гражданские дела на

территории, предоставленной в распоряжение царевича, управлялись посредством его Леле, то есть воспитателя (59, с. 44). Однако по достижении совершеннолетия шах управлял провинцией самолично.

О справедливости Шаха Аббаса I, Шаха Тахмасиба, Шаха Исмаила II, Шаха Аббаса II имеется достаточно фактов и сведений и у европейских путешественников и в персаязычных источниках. Однако мы вынуждены с сожалением констатировать, что в нашей исторической литературе все шахи в соответствии с манерой, свойственной советскому периоду, представлены читателю как жестокие тираны. То, что Шах Аббас I, сменив шахский народ, ходил в одежде подданных по рынкам, лавкам каравансараев и чайных, один день в неделю, сидя в суде, рассматривал заявления, а Шах Аббас II трижды в неделю, сидя в доме правосудия, рассматривал заявления, известно нам из источников эпохи.

Как абсолютные повелители своей страны Сефевидские шахи обладали и законодательными полномочиями. Как известно, шахами издавался свод законов об управлении гражданскими, финансовыми и административными делами страны под названием «Дастур уль-амал». Свод законов, изданных правителем Аггоюнлу Узун Гасаном, действовал вплоть до свода законов, изданного Шахом Тахмасибом I в 963 году Хиджры (1555–1556). В указанном году Шах Тахмасиб I издал закон и представил его в высочайшую канцелярию для снятия копий. Копии, снятые с этой грамоты, были отправлены в провинции для исполнения. Абди бек Ширази пишет: «В его эпоху не было такого человека, чтобы после совершения преступления остался ненаказанным. Он сократил в Исфахане, Кашане, Гуме, Ираке и других местах полностью, а в Тебризе, Ширазе наполовину налоги, взимаемые ежегодно с питейных заведений, опекурилен, игорных домов, налоги «савари», «низул», составлявшие 15 процентов финансовых доходов страны, хлебные деньги, составлявшие 10 процентов доходов страны, налоги «мохтарифа», взимавшийся с ремесленников, и «тамга», взимавшийся с купцов. Написав письмо-проклятье, подарил подданным. Теперь с подданных не удерживается ничего, кроме подати» (47, с. 167).

Автор работ «Тарихи Солтани» Сейид Гасан ибн Муртуза Гусейн Астрабади сообщает о том, что Шах Сафи, родившийся в 1612 году, взошедший на престол в 17 лет и правивший 14 лет «обращался с подданными и слугами Аллаха очень хорошо». Он пишет: «Сев на трон, Сафи отдал приказ о том, чтобы товары продавались отныне по цене, согласованной между покупателем и продавцом, и чтобы судьи не вмешивались в это. Из просроченных налогов он простил налогоплательщикам сумму в 500 туменов (180, с. 236). Астроном Джалаледдин Мухаммед Иезди, повествуя о Шахе Аббасе I, пишет, что он три дня с 15 по 18 мая 1593 года, рассматривал в Казвине жалобы бедняков. Во время пребывания в Астрабаде в 1008 году Хиджры (1599–1600) шах узнал, что некоторым людям, не имеющим в том нужды, был предоставлен союргал. Забрав у них союргалы, отдал их нуждающимся и повелел выколоть глаза виновным в этом (30, с. 127–190). Другая привычка Шаха Аббаса I заключалась в том, что он самолично получал информацию обо всем и отовсюду, не доверяя своим визирям. И потому он, сменив свой народ, выходил в город и покупал товары в лавках, устанавливая тех, кто обманывает покупателей в весе и количестве. Однажды ночью он в крестьянской одежде выходит из дворца, покупает в хлебной лавке батман хлеба, а в мясной – батман мяса на шашлык, возвращается во дворец и дает указание своим доверенным принести весы. Мясо и хлеб взвешивают. При взвешивании выясняется, что хлеба меньше на 57 дирхемов, а мяса на 43 дирхема. Разгневанный на тех, кто находится во дворце, особенно тех, кто контролирует в городе дела, связанные с ценами, количеством весов, на городского судью, он хочет убить их собственноручно, но по ходатайству некоторых уважаемых лиц прощает. В гневе Шах Аббас I бросает им: «Почему вы на своей должности допускаете халатность? Почему соглашаетесь, чтобы бедняку у которого несколько детей, давали им вместо одного батмана хлеба стоимостью в 900 дирхемов хлеба лишь на 843 дирхема?». Затем шах, обратившись к находящимся во дворце, спросил, какому наказанию подлежат мясник и продавец хлеба, а те от страха не смогли вымолвить

ни слова. По приказу Шаха Аббаса I на площади разводится тендир. Приносят шампур длиною в человеческий рост. Продавца хлеба с мясником водят по городу и глашатаи объявляют, что за обман в весе они будут пущены сегодня по площади на шашлык и сожжены в тендире. Затем продавца хлеба бросают в тендир, а мясника пронизывают шампуром и сжигают, эта мера наказания эхом распространяется по стране (76, с. 515–516). Несмотря на то, что дело по наказанию виновных относилось к полномочиям суда, шах время от времени выносил смертельный или оправдательный приговор. При вынесении приговора он не подчинялся никакому закону. Считаясь главой религии и государства, Сефевидские повелители оставили за собой вынесение таких приговоров от имени как религии, так и государства. А порою для определения виновности или невиновности обвиняемого шах выделял комиссию, от которой требовал проверить дело и сообщить ему о результате, либо возлагал дело на правосудие.

В эпоху Сефевидов получение взятки, обман в обвес и обсчёт покупателей, дезертирство, сдача в плен во время боя считались тяжкими преступлениями. При совершении преступления высоко поставленными государственными чиновниками они наказывались лично перед лицом шаха. Обычай был таков, что если шах, издав указ о чьей-то казни, покидал помещение суда, приговор о казни этого человека становился окончательным, и он подлежал немедленной казни. Однако если после указа о казни шах оставался на месте, указ о казни мог быть им заменен. Определенную роль здесь играл и исполнитель указа. Если лицо, исполняющее шахский приказ, откладывало его исполнение и не выполняло немедленно, то шах по ходатайству одного из придворных мог простить человека, о казни которого издал указ. Например, исполнительный чиновник постепенно снимал с осужденного шапку, одежду, затем усаживал на землю и волочил в таком состоянии перед шахом, ожидая, что шах, увидев виновного в таком состоянии, проявит снисхождение, или кто-то из придворных с угрозой для себя попросит у шаха простить его. Тавернье пишет: «Зачастую случалось так, что шах отменял отданные им указы о казни некоторых людей или же заменял такое наказание 200 ударами палкой о пятки осужденного. А порой случалось и так, что человек умирал от ударов палки» (76, с. 538).

Выше мы отмечали, что Шах Аббас I создал адалат дивани (диван правосудия) и три раза в недели рассматривал заявление жалобщиков. Согласно Кемпферу так поступал и Шах Сулейман. Кемпфер писал, Шах Сулейман зачастую объяснял казиям, в чем заключаются их обязанности. Его никогда не беспокоило скопление перед дворцом людей, пришедших с жалобой на обилие налогов или на судей. При доказанности вины судей он строго наказывал их. В случае необходимости Шах Сулейман отдавал указ о казни диванбеи, который считался одним из наиболее высокопоставленных должностных лиц. А в Государстве Сефевидов диванбеи был казием самого высокого ранга, рассматривающим уголовные дела (40, с. 59, 66, 68).

Шах Сулейман вел борьбу и со взяточничеством. Без получения взятки начальники придворных учреждений, министры не решали ни одного вопроса. Они довели до отчаяния все население. Простые люди не знали, как довести свои жалобы до шаха. Никто не осмеливался сообщить шаху о притеснениях со стороны министра, потому что люди, находящиеся днем при шахе, подчинялись министру. Однажды ночью шахский конюх Ага Сары и главный казначей Ага Кафур, улучив время, сообщили шаху о том, что министр получает с населения взятки, вызывая у него недовольство шахом. Вызвав министра, шах сказал: «Снимите с этой собаки шапку и три дня продержите его в таком виде под открытым солнцем, чтобы впредь не брал взяток с моих подданных и хорошо обращался с населением. Затем он приказал заковать министра в цепи и бросить в темницу, держать там до конца его дней и ежедневно выдавать ему на питание одну грушу. Однако министр спустя 8 дней умер в темнице» (76, с. 536).

Джафар хан, принадлежавший к известным личностям дворца, также путем притеснений, незаконно получил с подданных деньги в крупной сумме. Шаху жалуются на это. Когда шах спросил об этом у начальника придворных музыкантов, тот сказал, что вопрос выдуман и на Джафар хана клеветают. Затем шах спрашивает о Джафар хане у Гаджи хана, только

что вернувшегося из Мекки. Гаджи так же, как начальник музыкантов, расхваливает Джафар хана. Шах, будучи глубоко осведомленным в этом вопросе, обращается к другим придворным, присутствующим там, со словами: «Как поступить с этими двумя лицемерами? Они сказали неправду». По приказу шаха у начальника музыкантов вырывают два зуба и вонзают их в голову Гаджи. Будучи человеком в возрасте, Гаджи чуть было не выпускает дух. А Джафар хан отправляется в ссылку с выдачей денег на одну грушу в день (76, с. 536).

Из вышеизложенного можно сделать такой вывод, что Сефевидские правители были свободны в обращении как с высокопоставленными чиновниками центрального бюрократического аппарата, так и с религиозными деятелями или с подданными. Шахство, вне зависимости от опыта управления государством и здоровья, было наследственным, при этом полномочия шаха не были ограничены никаким юридическим документом. Шах мог приговорить к тяжким пыткам любого, убить его разными способами самолично или приказать сделать это другим. Своими указами мог объявить войну или мир. Снижение или повышение налогов и повинностей, раздача земель тем или иным лицам, обращение общих земель в хассе, обращение в собственность хассе отдельных городов и сосредоточение их доходов непосредственно в шахской казне, издание указов, касающихся назначения на высокие гражданские, административные и военные должности, а также вынесение приговоров входили напрямую в полномочия шаха. Шах был хозяином даже жен своих подданных. Он был вправе поместить в свой гарем любую приглянувшуюся ему даже замужнюю женщину, выдать замуж своих жен, выколоть глаза своим женам и братьям, заключить их под стражу, убить. Словом, ему как абсолютному монарху, никто в стране не мог перечить – ни «Верхнее Собрание», ни доверенные. Шах обладал правом раздавать и отбирать союргалы и икта, передаривать их или обращать любые земли и любую собственность в хассе, принадлежащие дворцу и трону.

Сосредоточение в руках Сефевидских шахов столь широких полномочий позволяло им укрепить свою власть, предупреждать центробежные тенденции, взять в руки все ветви государственной власти и в конечном счете приводило к еще большему усилению империи.

Как было изложено нами выше, Сефевидские шахи как наследственные предводители Ардебильской секты представляли и верховную духовную власть. Они утверждали, что ведут свой род от Пророка Мухаммеда и его зятя – Хазрати Али, тем самым представляя себя потомками имама. Абди бек Ширази пишет, что религия столицы мира дошла до Пророка Мухаммеда, а последнего до Хазрати Али, и сам Аллах, сам пророк стал имамом и начальником всему народу. После него эта религия стала принадлежать 12 имамам. Никто кроме них не мог вмешиваться в это дело. Из-за исчезновения Солтане Замана (Имама Мехти) один из слуг Аллаха, некто из династии Фатимийе, пусть выполняет его повеления, не позволяет народу дурных дел, предложит ему уверовать в 12 имамов, сделавшись исна ашари, а сам пусть сядет на престол и старается выполнять поручения наместника Пророка Мухаммеда. Этой чести удостоилась династия Бани Аббасидов. Однако Хулаку хан с помощью знати визиря халифа Мустасама Аббаси аль-мустасима-ибн аль-Альгами и поэта Аббаси повергли владения Бени Аббаса, государство Аббасидов. После этого власть никому кроме потомков Хазрати Али, не доставалась. Только Шах Исмаил, покорив мир, уверовал в истинность учения ишна ашариййя, уничтожил тех, кто не верит, став праведником» (47, с. 34–35). С тех пор, то есть после династии Бани Аббаси, не только светская, но и религиозная власть дошла до Шаха Исмаила.

В работе Искендер бея Мюнши «Тарих-и алям арай-и Аббаси» родословная Сефевидов восходит к Али ибн Абуталибу и заканчивается на Шахе Аббасе I. На самом деле секта суфиев начинается с Шейха Сафиаддина (1252–1334). До тех пор они не были ни шейхами, ни сеидами. Отец Шейха Сафиаддина Аминаддин Джабраил даже сказал сыну: «Где шейхство, а где мы. Мы земледельцы» (73, т. 1, с. 315).

Сам Шейх Сафиаддин не был даже шиитом, он был суннитом. Значит, Сефевиды, призывая свою родословную к Хазрати Али ибн Абуталибу, хотели использовать шиитство для

прихода к власти и борьбы с суннитскими Аггоюнлу и Ширваншахами. Данный вопрос наиболее остро встал в периоды правления Султана Джунейда и Султана Гейдара. Октай Эфендиев справедливо пишет, что шиитские шейхи, принадлежавшие к династии Сефевидов, появились в XIII веке, в эпоху правления монголов. Однако «по официальной версии и информации предком Шейха Сафиаддина Сефеви был Муса аль-Казым» (38, с. 60).

Словом, основатель династии Сефевидов Шейх Сафиаддин был для своих суфиев одновременно шейхом и султаном, то есть светским владыкой, предводителем секты и в то же время правителем Ардебилля и близлежащих территорий. Дед Исмаила Джунейд принял титул «шейха», а отец Гейдар – титул «султана». Мюриды, то есть приверженцы суфизма, впоследствии создали военную организацию, состоящую из тюркских племен кызылбашей и превратились в главную военную опору в армии своего предводителя Исмаила.

Шах Исмаил, именовавшийся Мюршуди-Кямиль, получил неограниченные полномочия по наследству от своего предка, принявшего шиизм.

Кызылбаши были связаны с шиитской сектой. Мюршиди-Кямиль был полным религиозным и светским владыкой над мюридами, то есть кызылбашами. Кроме того, на территории ислама не существовало иного, помимо религии, понятия патриотизма, и принадлежность к шиизму воспринималась как понятие национальности. Главной идеологией, объединяющей кызылбашей и поднимающей авторитет глав Сефевидского государства как духовных руководителей, был шиизм (213, с. 59–61). Однако было бы неправильным связывать неограниченность религиозной и светской власти основателя Государства Сефевидов Шаха Исмаила, только с шиизмом. Важную роль играла здесь и передача Сефевидскими правителями земель икта высоким должностным лицам, назначаемым из кызылбашской знати. За эти земли икта амиры были обязаны во время войн вместе со своими родственниками и сторонниками помогать шаху. Владельцы икта обязаны были обеспечивать продовольствием корчу, численность которых в центре достигала 6 тысяч человек. Поэтому шах предоставил тюркам-кызылбашам высочайшие привилегии. Помимо этого добыча, завоеванная в периоды войн, тоже распределялась приказом шаха между кызылбашскими эмирами. Значит, для того, чтобы держать в подчинении знать и эмиров-кызылбашей шах не только использовал нравственный фактор – шиизм, суфийские общества, но и в материальном отношении держал их в зависимом от себя положении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.